

ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРОШЛОГО В ПРОЗЕ «СОРОКАЛЕТНИХ» (Р. КИРЕЕВ, В. МАКАНИН)

А. Ю. Грязнова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 февраля 2024 г.

Аннотация: в статье рассматривается мотив возвращения в прошлое в прозе «сорокалетних» на примере повестей Р. Киреева «Искушение» и В. Маканина «Повесть о Старом Поселке». «Сорокалетними» изображается преодоление прошлого, заставляющее героя осознать свое одиночество (В. Маканин) и ставящее его перед необходимостью взросления, обретения самостоятельности и отказа от универсальных жизненных решений (Р. Киреев).

Ключевые слова: русская литература, литература XX века, «сорокалетние», В. Маканин, Р. Киреев.

Abstract: this article analyses the motif of returning to the past in the prose of the 1940s, using the examples of R. Kireev's 'Redemption' and V. Makanin's 'Tale of the Old Village'. The characters in their forties are portrayed as overcoming their past. This realization of loneliness experienced by the protagonist leads to maturity, independence, and rejection of universal life solutions.

Keywords: Russian literature, literature of the 20th century "forty-year-olds", V. Makanin, R. Kireev.

В литературном процессе XX века проза «сорокалетних» занимает особое место. Возникнув в 1970-е годы, она наиболее ярко выразила основные настроения эпохи застоя: разочарованность в «оттепельных» идеалах и ценностях, осознание «безопасности» человеческого существования, несовпадение реальности с картиной мира, созданной советской идеологией. Своеобразие мировоззренческой позиции представителей московской школы (иное наименование группы «сорокалетних», предложенное критиком В. Бондаренко) особенно очевидно на фоне традиции, сформированной всей предшествующей советской литературой, которая изображала человека, прочно вовлеченного в жизнь своей страны. Новое же поколение писателей, вошедших в литературу в 1970-е годы (А. Ким, Р. Киреев, А. Курчаткин, В. Маканин, В. Крупин, В. Орлов, В. Личутин, А. Проханов, А. Афанасьев, В. Гусев и др.), обращается к герою, сознательно уклоняющемуся от участия в любых формах социально значимой деятельности.

М. М. Голубков, говоря об истоках мироощущения «сорокалетних», отмечает: «...Детство и юность этой генерации оказались окрашены двумя идеологическими мотивами, тиражируемыми советской пропагандой: ближайшего преодоления трудностей и постоянного ожидания скорого улучшения жизни... Сначала это было ожидание окончания войны, затем — скорейшего восстановления разрушенного народного хозяйства. Вступление во взрослую жизнь пришлось на середину и конец 60-х годов и совпало с началом брежневского застоя. Тогда-то и обнаружился тотальный обман несбывшихся ожиданий: все трудности успешно преодолены, как утверждалось в партийных декларациях,

<...> со дня на день будет построен если не коммунизм, то общество развитого социализма, но все это парадоксальным образом никак не сказывалось на положении поколения, которое, вступая в жизнь, было обречено десятилетиями получать мизерную зарплату, не имея ни серьезных творческих перспектив, ни возможности значительного улучшения благосостояния, ни самореализации в какой-либо социально-политической деятельности... Оставалась единственная сфера, в которой человек мог реализовать себя как личность: сфера частного бытия» [1, 282].

Реакцией «сорокалетних» на несовпадение звучащих с трибун официальных заявлений, идеализирующих ситуацию в стране, с реальной жизнью стал их принципиальный отказ от изображения исторических и социальных процессов, ставящих судьбу человека в зависимость от судьбы страны. Вместо этого основным художественным материалом в их произведениях становится быт. Вместо героя-индивидуалиста, носителя четко очерченной гражданской и нравственной позиции появляется «усредненный», «массовый», «средненравственный» человек — «амбивалентный» герой, которого критик И. Дедков, непримиримый оппонент «сорокалетних», охарактеризовал как «человека сиюминутного, с обстриженным прошлым, с обстриженными социальными связями» [2, 222].

Упрек в сиюминутности и мелкости художественного материала — частое обвинение, звучавшее в адрес «сорокалетних» со страниц литературной критики 1970–80-х годов: «Словно сговорившись, читателю твердят: думай об этом, ломай голову над этим, не отвлекайся ни на что другое... Верные жены и неверные мужья, неверные жены и верные мужья, неверные жены и неверные мужья, счастливые лю-

бовницы, несчастные любовники и т.д. — все варианты на все вкусы и настроения», — пишет И. Дедков в одной из более ранних статей [3, 31].

Фабульную основу многих произведений «сорокалетних» действительно составляют супружеские измены, карьерные интриги, курортные или служебные романы, и это позволяет заключить, что характеристика И. Дедкова не совсем верна: «обстриженные» социальные связи героя этой прозы формально сохранены: он вовлечен во взаимодействие с сослуживцами, членами семьи, друзьями и т.д. Более важным оказывается то, что ни с одной из этих групп у героя не возникает чувства сопричастности: есть работа, но отсутствует романтическая увлеченность профессией, есть семья и друзья, но отсутствует взаимопонимание с близкими. «Сорокалетние» остро чувствовали одиночество человека в мире, его «выключенность» из какого бы то ни было целого: семейного, профессионального, родового, государственного — и потому обратились к поиску иных оснований, на которые мог бы опереться человек, утративший доверие к тем универсальным решениям, которые ему предлагала идеология и культура предшествующих десятилетий.

В осмыслении онтологического одиночества человека писатели московской школы обращались в том числе и к теме прошлого, однако прошлого прежде всего личного, а не исторического. В таком ракурсе она представлена в некоторых произведениях В. Маканина («Прямая линия» (1965), «Повесть о Старом Поселке» (1974), «Где сходилось небо с холмами» (1984), «Утрата» (1987)) и Р. Киреева (повесть «Искупление» и некоторые короткие рассказы, вошедшие в изданную в 1977 году книгу «Неудачный день в тропиках»). В произведениях обоих авторов значим мотив возвращения, наделенный «семантической ненайденных ценностей», доказательством абсурдности существования массового человека» [4, 77]. Если в своей традиционной роли, идущей от мифологической архаики, возвращение выступает как ситуация, призванная упорядочивать мир, помогать человеку отыскать свое место в нем, то в произведениях писателей «московской школы» оно заставляет человека осознать свое одиночество в мире, усугубляет состояние его «безпорности».

Так, в «Повести о Старом Поселке» В. Маканина главный герой Ключарев мечтает о возвращении в поселок, где прошло его детство, следуя сформированному культурой устойчивому представлению о том, что возвращение человека к корням, к своему деревенскому прошлому должно привести к прозрению, обретению нового смысла, но не находит желаемого. У Ключарева есть работа, друзья, семья, однако сюжет произведения движется постепенным нарастанием у героя ощущения ложности существующих отношений с людьми, регулируемых только внешними ритуализированными действиями, но внутренне

ничем не подкрепленных. Ложной реальности, окружающей его, Ключарев противопоставляет свои мечты о возвращении в Старый Поселок. При этом поселковская жизнь вовсе не идеализируется героем, там, как и везде, есть место личным обидам, зависти, ревности (в числе воспоминаний Ключарева — история инженера Калабанова, карьеру которого сломала его собственная жена, приревновав к девушке-татарке из соседней деревушки и написав на него донос в Москву). Однако именно там Ключарев видит подлинную жизнь, а не игру в нее, не суррогат. Городское и деревенское пространства в повести противопоставлены друг другу как профанное и сакральное, как исчерпанное, обесмысленное — и наполненное мифологическим смыслом строительства чего-то нового. Наиболее ярко этот контраст раскрывается в отношении людей к работе, к труду: с одной стороны — рабочие будни Ключарева, которые преимущественно сводятся к разговорам, к обсуждению с «мямлей»-начальником «Божественной комедии» Данте, к словесным пикировкам с коллегами, с другой — сцена заливки фундамента, которую наблюдает Ключарев-ребенок и которая сравнивается В. Маканиным с неким языческим ритуалом, требующим от человека максимального напряжения духовных и физических сил.

Поселок воспринимается Ключаревым как некая незыблемая часть его прошлого, на которую он в любой момент может опереться, и потому чем больше неудач выпадает на долю героя в городе, тем более крепнет его мечта о возвращении: Однако вернувшись в Старый Поселок, Ключарев обнаруживает на его месте кладбище, и такого рода развязкой писатель не просто ставит точку в размышлениях о возможности возвращения человека к родовому началу, к нравственным идеалам русской деревни. Он показывает, что ностальгические воспоминания его героя о малой родине на самом деле не больше, чем самообман. Не случайно сам Старый Поселок так и не предстает перед читателем иначе, чем в воспоминаниях и мечтах Ключарева, оставаясь всего лишь еще одной фикцией, способом на время мысленно уйти от повседневных проблем.

Показывая иллюзорность социальных связей, соединяющих Ключарева с миром, и в то же время отказывая своему герою в возможности вернуться в прошлое и «совместиться» с родовым началом (заключительные слова повести именно об этом), В. Маканин обрисовывает достаточно пессимистичную картину жизни современного ему человека, который вынужден следовать установленным в обществе мифам и ритуалам, подчиняться «самотечности» жизни и не имеет выходов к «подлинному», осмысленному существованию.

Несколько более жизнеутверждающей является позиция Р. Киреева в повести «Искупление», героя которой — молодого химика Кирилла Шмакова — как и Ключарева, преследует настойчивое желание вернуться в прошлое. В «Искуплении» с темой памя-

ти связан мотив вины: героя гнетут воспоминания о том, как, будучи пятнадцатилетним подростком, он предал отчима и в поисках лучшей жизни уехал с матерью из поселка Алмазово в город. Сцена, произошедшая в день отъезда, врзается в его память на всю жизнь: «Человек с прилипшими к лысине реденькими волосами прыгает перед пятнадцатилетним мальчишкой, своим приемным сыном, умоляет не покидать его, норовит поцеловать руку. На подростке узкие, по тогдашней моде, брюки, продолговатое лицо бесстрастно, а глаза устремлены на дверь. Он ждет, когда освободится проход и можно будет уйти отсюда. Навсегда» [5, 5].

Герой воспринимает произошедшее как предательство по отношению к человеку, который усыновил его и дал ему свою фамилию, и с каждым годом в нем все больше крепнет желание вернуться в Алмазово, чтобы искупить вину перед отчимом. Чувство вины все больше мучит Кирилла, и наконец становится всепоглощающим: все свои действия он начинает соотносить с тем, что он совершил в детстве. Воспоминание о Шмакове возникает в его сознании каждый раз, когда он совершает благородный поступок, и вызывает в нем размышления о том, что на самом деле стало причиной этого благородства: искреннее желание помочь или стремление оправдаться перед самим собой: «Шмаков сделался в моих глазах олицетворением совести, но совести обратной, несущей заряд отрицательный. Он напоминал о себе всякий раз, когда я был честен, он уличал меня в моей порядочности» [5, 55].

Воспоминание о Шмакове мучительно еще и потому, что героя характеризует «болезненная, отшельническая страсть к абсолютной нравственной чистоте» [5, 52]. Он аккуратен, педантичен, принципиален. Так, он неоднократно вспоминает, как, будучи студентом, мог несколько раз переписывать страницы курсового проекта, если на них появлялась помарка или пятно [5, 30]. Поэтому предательство по отношению к отчиму воспринимается им как пятно на его совести, как показатель того, что в его репутации есть некий изъян. И какой бы благородный поступок он ни совершал, каким бы высоконравственным человеком ни казался в глазах окружающих, сам себя он таковым не считает. Рефреном в повести звучит мысль о расхождении в оценке героя окружающими и им самим: «Меня принимают не за того, кто есть я на самом деле» [5, 33]; «...меня не покидало ощущение, что я обманываю ее, что она принимает меня не за того, кто есть я на самом деле» [5, 26]; «...я вновь, как и год назад, почувствовал себя маленьким и лживым — словно... выдавал себя не за того, кто есть я на самом деле» [5, 114].

Как и Ключарев в «Повести о старом поселке», герой Р. Киреева поначалу верит в то, что возвращение в прошлое может что-то исправить в его жизни: поможет искупить вину перед отчимом, примириться с самим собой. Наконец, герой осуществляет так

давно планируемую поездку в Алмазово, однако искуплению, которого он ждал в течение шести лет, не суждено состояться. Вернувшись в поселок, Кирилл обнаруживает Шмакова спившимся, неопытным, жалким, с трудом подавляющим в себе чувство брезгливости по отношению к этому человеку. Герой уезжает обратно, осознавая, что муки совести, которые он испытывал все эти годы, были напрасными. Поначалу в нем возникает ощущение вседозволенности: раз нравственное падение уже совершилось в прошлом и искупить его нельзя, то нет смысла играть в благородство в настоящем. Жизнь воспринимается героем уже не как чистый лист с помарками, который нужно переписать, а как «замусоленный», «посредственный» чертеж, на котором помарки уже не так заметны [5, 130]. В судьбе героя намечается цепь предательств: он сближается с женой своего друга и коллеги, собирается оставить больного старика Федора Осиповича, у которого снимает квартиру и которому помогает по хозяйству после того, как тот перенес инсульт. «А впрочем, подумал я, не все ли равно теперь? Пусть еще один человек присоединится к Шмакову... — Миша Тимохин, а завтра и послезавтра, когда я уйду на другую квартиру, среди них окажется и Федор Осипович. Потом еще кто-нибудь, и еще, и все они будут незримо конвоировать меня — чтобы я, не дай бог, не совершил что-либо добропорядочное. Тогда они с гиканьем набросятся на меня, напоминая, кто есть я на самом деле» [5, 13].

Однако ни измены, ни предательства герой не совершает: в поворотные моменты своей жизни Кирилл делает правильный нравственный выбор, однако теперь его решения продиктованы не желанием искупить вину прошлого, а искренней симпатией к людям, которых он не хочет предавать. Таким образом, изживание вины героем достигается не искуплением, а принятием себя, с собственным опытом, ошибками и заблуждениями, с правом на то, чтобы самому решать, как выстраивать жизнь. Показательно, что вина героя все время ставится в параллель с чувством невозвращенного долга: он чувствует себя в долгу перед Шмаковым за то, что тот дал ему фамилию; перед новым мужчиной матери, Вологоловым за то, что дал ему кров и еду; перед самой матерью за то, что та «пожертвовала собой», связав свою судьбу со Шмаковым; перед другом за то, что тот помог ему найти квартиру. Совершив возвращение в Алмазово и не получив желаемого искупления, герой убеждается в том, что невозможно выстраивать свою жизнь, руководствуясь единими для всех представлениями о долге, верности и необходимости, если эти представления не подпитаны личным нравственным чувством человека. Сюжет «Искупления», как и сюжеты некоторых других произведений Р. Киреева («Победитель», «Неудачный день в тропиках»), показывает необходимость обретения опоры не в других людях и не в готовых универсальных формулах, а в себе са-

мом. В том, что герой повести эту опору в конечном счете обретет, убеждает несколько моментов.

Во-первых, уезжая из Алмазова, герой, который до этого несколько раз акцентировал свою бездомность («У меня никогда не было по-настоящему своего дома — меня терпели, как неизбежное приложение к моей матери» [5, 22]), впервые называет домом Светополь — город, в котором работает. Обретение дома обозначает появление некоей опоры в жизни героя, и эта опора связана не с домом Шмакова, где он провел детство, не с домом Вологолова, а с местом, где живет и работает сам Кирилл, то есть не с прошлым, а с настоящим.

Во-вторых, по возвращении из Алмазова герой перестает оценивать собственные поступки глазами постороннего наблюдателя. Характерно, что в навязчиво повторяющихся воспоминаниях Кирилла момент расставания с отцом он видит как бы со стороны, что подчеркивается сменой формы повествования в этих эпизодах повести с первого лица на третье («на подростке узкие, по тогдашней моде, брюки...» [5, с.5]) После возвращения в Алмазово и несостоявшегося искупления эти воспоминания перестают посещать Кирилла, как и мысли о том, как могут быть оценены его поступки другими, и к финалу повести герой Р. Киреева окончательно утверждает себя в роли субъекта, а не объекта повествования.

Наконец, идея обретения самостоятельности выражена в кольцевой композиции повести: произведение начинается с намерения Кирилла рассказать историю своей жизни лучшему другу и завершается тем, что он отвергает эту мысль, понимая, что держать ответ за свои поступки он должен только перед собой. В «Искуплении» Р. Киреев подвергает сомнению мысль об универсальности нравственного поведения и одновременно восстанавливает доверие к индивидуальности, к «частному» человеку, способному интуитивно различать добро и зло: «...В человеке есть свой нравственный гироскоп, и потому мы даже без помощи разума ощущаем, что хорошо, а что плохо» [5, 20].

Как в «Повести о старом поселке» В. Маканина, так и в повести «Искупление» Р. Киреева возвращение в прошлое не приносит желаемого результата. В. Маканин оставляет своего героя в ситуации абсолютной покинутости, разрыва связи как с настоящим, так и с прошлым, что воспринимается как поражение героя. Герой же Р. Киреева, осознавая невозможность вернуться в прошлое, начинает по-иному оценивать настоящее, понимая, что в жизни нет четких схем

и предписаний. Именно поэтому ощущение свободы героя в финале сопряжено с его полным недоумением относительно будущего: он не знает, как жить дальше: «Удивительное дело: я очень повзрослел за эту неделю, но о том, как жить дальше, ведаю теперь куда менее, чем в любой другой момент жизни» [5, 144].

Для прозы «сорокалетних» не характерны ностальгия и сентиментальность в отношении к прошлому. У их героев нет представления о детстве как об этапе жизни, который дает человеку мощный нравственный заряд. Воспоминания не являются для них источником душевных сил, а напротив, мешают идти вперед и жить настоящим (в еще большей степени, чем в повести Р. Киреева «Искупление», это очевидно в романе В. Маканина «Прямая линия»). Отчасти это обусловлено тем, что детство самих писателей пришлось на тяжелые военные и послевоенные годы, отчасти связано с утратой доверия этого писательского поколения к созданным в предшествующие десятилетия мифам о человеке и мире, к готовым формулам, которые предлагалось принимать на веру. В прозе «сорокалетних» дискредитируется представление о возвращении в прошлое как о событии, способном наполнить жизнь человека смыслом, появляется мотив преодоления прошлого, связанный с необходимостью взросления, понимаемого как способность к самостоятельному определению нравственных основ жизни и самостоятельному принятию жизненных решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голубков М. М. История русской литературной критики XX века: учебник для вузов / М. М. Голубков. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Юрайт, 2024. — 357 с.
2. Дедков И. А. Наше живое время / И. А. Дедков // Новый мир. — 1985. — № 3. — С. 217–241.
3. Дедков И. А. Когда рассеялся лирический туман / И. А. Дедков // Литературное обозрение. — 1981. — № 8. — С. 21–32.
4. Рыбальченко Т. Л. Ситуация возвращения в сюжетах русской реалистической прозы 1950–1990-х гг. / Т. Л. Рыбальченко // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2012. — № 1. — С. 58–82.
5. Киреев Р. Т. Неудачный день в тропиках. Повести и рассказы / Р. Т. Киреев. — М.: «Современник», 1997. — 239 с.
6. Гуреев В. Н. «Любовно-бытовой взрыв» в русской литературе 1970-х гг.: автореф. диканд. филол. наук / В. Н. Гуреев. — Воронеж, 2008. — 16 с.
7. Маканин В. С. Повесть о Старом Поселке / В. С. Маканин. — М.: Советский писатель, 1974. — 352 с.

Воронежский государственный университет

Грязнова А. Ю., кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук

E-mail: gryaznova@phil.vsu.ru

Voronezh State University

Gryaznova A. Yu., Doctor of Philology, lecturer of the Department of the Russian Literature of the 20th and 21st Centuries, Theory of Literature and the Humanities

E-mail: gryaznova@phil.vsu.ru